

Линь Лаогэнь слегка удивился, когда У Цинъюань пододвинул к нему тарелку с лапшой. Он явно не ожидал, что тот решит его угостить. Хотя лапша стоила недорого, всего десять взней, он еще не видел, чтобы наниматель кормил чернорабочего, даже если этот наниматель был состоятельным господином.

Тем не менее, учуяв аппетитный аромат пшеничной лапши и вспомнив о двух детях дома, он сглотнул слюну и не стал отказываться. Линь Лаогэнь достал с пояса бамбуковый тубус для воды, бережно переложил туда лапшу и, смущенно улыбаясь, посмотрел на У Цинъюаня:

— Я сейчас не голоден, домой отнесу, там поем. Меня зовут Линь Лаогэнь. О чем хотел расспросить, братец? Все, что знаю — расскажу.

Он говорил просто, с густым деревенским говором, постоянно вставляя «я» в просторечной форме, но У Цинъюань не обратил внимания на то, что тот спрятал еду.

Еще на корабле он разузнал многое об этом мире, кое-что добавил старик Чжоу. Это был древний мир с низким уровнем производительности и бедным населением, поэтому было очевидно, что мужчина хочет принести лапшу домой, чтобы разделить трапезу с семьей.

У Цинъюань, не глядя на бамбуковый тубус в руках Линь Лаогэня, взял палочки и, продолжая есть, начал расспросы.

На корабле он уже все обдумал. Места здесь для него чужие, нужно было где-то обосноваться, но прежде всего стоило найти брата старика Чжоу — Чжоу Фуси. Если удастся сразу выйти на знакомого человека, это сильно упростит задачу.

— Людей по фамилии Чжоу у нас много, но вот имя Чжоу Фуси я не слышал. Портрет есть? Или еще какие приметы? Дай подумать...

Выслушав краткое описание, Линь Лаогэнь не смог сразу ответить. Людей с одинаковыми именами в Поднебесной полно, по одному лишь имени искать было трудно.

— Портрета нет. Знаю только, что его зовут Чжоу Фуси, возраст... примерно за шестьдесят, скоро семьдесят... Ах да, у него есть родимое пятно, красное, в форме слитка юаньбао.

У Цинъюань понимал, что задача не из легких, и информация от старика Чжоу была скудной. Даже если бы был портрет, толку от него мало. По словам старика, когда они расстались, брату было всего пять лет. Сейчас самому старику Чжоу за восемьдесят, а брат младше его на десяток лет — значит, ему должно быть за шестьдесят. Внешность давно изменилась, единственной надежной приметой оставалось необычное родимое пятно.

— За шестьдесят, семьдесят лет?! — Линь Лаогэнь вытаращил глаза.

В этом древнем мире все было крайне отсталым, урожаи скудными. Хотя люди не умирали от голода массово, большинство едва сводило концы с концами. К тому же из-за слабой медицины средняя продолжительность жизни была невысокой: дожить до шестидесяти уже считалось почетом, а семидесятилетние встречались крайне редко.

— Да, примерно такой возраст. Не припомните кого-то похожего? Если самого Чжоу Фуси найти не удастся, может, остались его потомки?

У Цинъюань не питал больших надежд, что тот еще жив, но найти кого-то из близких тоже означало выполнить поручение старика Чжоу. Подумав секунду, он добавил:

— Кстати, Чжоу Фуси — сяогэ...

Это была еще одна важная деталь. Впервые услышав от старика Чжоу термин «сяогэ», он не совсем понял, о чем речь, но после объяснений просветился.

Мир был альтернативной историей, похожей на древность, но с одной особенностью: существовало три типа людей — мужчины, женщины и сяогэ. Мужчины и женщины были понятны, а вот сяогэ оказались за гранью его воображения. Внешне они ничем не отличались от мужчин, но могли рожать детей. Отличить их можно было по красной родинке на лбу, а также по прическе: мужчины носили короткие волосы, а сяогэ — длинные.

Несмотря на невероятность такого факта, это не отбило у него желания здесь остаться. Он уже прошел через апокалипсис и перерождение, так что мужчины, рожаящие детей, его не особо удивили. К тому же сам он был геом, и этот мир для него стал настоящим раем: он удовлетворял его предпочтения и решал проблему отсутствия потомства в однополых отношениях. Просто чудо!

— Про родимое пятно не знаю, но в окрестностях городка Шицяо есть несколько человек подходящего возраста и пола, только зовут их иначе... — Линь Лаогэнь, прокрутив в голове информацию, ответил серьезно.

То, что имена не совпадали, было не страшно: Чжоу Фуси был тогда совсем маленьким, его могли приютить и дать другое имя. Если пол и возраст совпадают, достаточно проверить наличие пятна.

У Цинъюань быстро сообразил, что к чему, и вытащил из-за пазухи полсвязки медных монет, положив их перед Линь Лаогэнем.

— Ничего страшного, можно проверить всех по очереди. Давайте так: вы возьмете на себя труд разузнать, это вам небольшой задаток. Если удастся найти человека, я добавлю на расходы. Как вам?

— Хорошо-хорошо, как вернусь, сразу поспрашиваю! — Линь Лаогэнь, конечно, не мог отказаться от заработка и поспешно закивал.

У Цинъюань решил довериться именно Линь Лаогэню не просто так. Его жизненный опыт, накопленный еще до апокалипсиса, позволял быстро читать людей. Сельский житель, который готов нести лапшу домой в бамбуковом тубусе, не мог быть пронырой. Пусть он не самый расторопный, зато надежный.

Получив миску лапши и полсвязки монет, Линь Лаогэнь просиял. Он спрятал деньги в кошель и начал расспрашивать, где искать У Цинъюаня, когда будут новости.

Этот вопрос поставил У Цинъюаня в тупик. Хотя он угощал лапшой и щедро раздавал задатки, на самом деле денег у него почти не было. В его пространственном кармане лежали золотые слитки, но светить ими в маленьком городке было опасно — это верный способ навлечь на себя неприятности. Единственные деньги, что у него были — это подачка от капитана торгового судна, который отблагодарил его за знания о навигации, плюс одежда на нем. Значит, пока он не добудет денег, в постоянный двор ему путь заказан.

— Братец, еще не решил, где остановиться? — видя его молчание, осторожно спросил Линь Лаогэнь.

Он часто видел на пристани приезжих вроде У Цинъюаня и по его одежде догадался о трудностях. Конечно, он не знал истинного положения дел, лишь предположил, что раз тот ищет людей, то должен где-то жить, а постоянные дворы стоят дорого.

— Да, дядя. Я здесь человек новый, места не знаю. Кроме поиска родни, я хотел бы осесть в какой-нибудь деревне. Но случилась беда, я пережил кораблекрушение, все мои документы и справки ушли на дно. Не знаю, можно ли здесь обосноваться, да и какая деревня подошла бы...
— У Цинъюань не стал скрывать правду.

Он уже знал, что в этих краях учет населения ведется слабо, а административный контроль не строг. Говорили, что десяток лет назад случился страшный голод, многие погибли, и теперь нехватка рабочих рук ощущалась остро. Осесть такому крепкому мужчине, как он, труда не составит.

Наблюдая за реакцией Линь Лаогэня, он увидел, что тот не испугался отсутствия документов, а, наоборот, проникся сочувствием. У Цинъюань выдохнул.

— Вот как... Тогда, может, поедешь со мной в деревню? Поживешь у меня пару дней, а я тем временем поспрашиваю про твою родню. Если найдем — сразу к ним подашься, если нет — будем думать дальше. У меня есть свободная комната, будешь платить по восемь вэней в день, это куда дешевле, чем на постоялом дворе!

Деревенские люди были просты и добры. У Цинъюань выглядел статно и надежно, поэтому Линь Лаогэнь ни на секунду не усомнился в его словах.

— Хорошо, спасибо вам, дядя.

У Цинъюань усмехнулся: оказывается, Линь Лаогэнь не просто предлагал помощь, а еще и искал способ подзаработать. Он согласился, и, расплатившись за лапшу, они вместе отправились в деревню Люшунь.

Поскольку время было позднее, Линь Лаогэнь решил не возвращаться на пристань и сразу пойти домой. По дороге он был очень разговорчив, хвастался успехами своих детей: сын умен и хвалят в частной школе, сяогэ работающий и умеет все по дому. Он болтал так много, что совсем не походил на сурового мужчину.

У Цинъюань слушал терпеливо. В мире после апокалипсиса царило холодное безразличие, люди даже не здоровались с незнакомцами, так что такая простая, житейская атмосфера была для него в новинку. Он изредка поддакивал, и Линь Лаогэнь расцветал еще больше.

До деревни Люшунь пришлось идти больше часа. Когда солнце начало садиться, они наконец добрались до места. Это была уютная деревушка у подножия гор, окруженная ивами, с двух-трех сотнями дворов. Всюду вился дымок, жизнь была ключом — вид деревни пришелся У Цинъюаню по душе.

Войдя в деревню, он отметил, что люди здесь живут неплохо. Пусть большинство домов были из глины и соломы, но лица у сельчан были здоровыми, не изможденными, а кое-где виднелись дома из кирпича и черепицы.

На пути к деревне они встретили односельчанина, который, запыхавшись, подбежал к Линь Лаогэню:

— Линь Лаогэнь, наконец-то ты вернулся! Скорее беги, твой Линь-гэ с той старухой Чжоу сцепился, того и гляди, палками драться начнут!

— Что? Опять с этой бабкой из семьи Чжоу? Где они? Иду! — лицо Линь Лаогэня мгновенно переменилось.

Они поспешили к деревенской площади. Там уже собралась толпа, слышались оживленные споры. У Цинъюань, чьи чувства были обострены способностями, сразу увидел главных участников конфликта. Одной была дородная старуха в цветастом платье, а другой — юноша лет восемнадцати-девятнадцати с большим синим пятном на лице.

Они стояли друг напротив друга с палками в руках, выкрикивая оскорбления. Старуха была язвительна, но юноша не уступал ни в чем. Увидев Линь Лаогэня, старуха переключила гнев на

него:

— Линь Лаогэнь, проклятый ты человек! Посмотри, какого сяогэ ты вырастил! Смеешь на меня, старшую, с палкой кидаться! Если не дашь мне ответ, я с твоей семьей не закончу!

— Бабушка Чжоу, это я с вами спорил, зачем вы отца ругаете? — возмутился юноша.

Рядом стоял десятилетний мальчик, который подбежал к отцу:

— Папа, это все бабушка Чжоу! Она заставила брата Чжоу идти в горы за дровами, там он на медведя наткнулся, чудом выжил, руки в крови! Она не только лекарство не купила, так еще и бить его начала! Посмотри, брат Чжоу весь избит!

У Цинъюань присмотрелся: на худеньком юноше действительно виднелись кровоподтеки и свежие ссадины. Окружающие перешептывались, подтверждая слова ребенка, но все боялись связываться с этой скандальной женщиной.

— Плевать! Мой работник, что хочу, то и делаю! Дрова не принес, да еще и мой тесак потерял! Двадцать вэней стоит, это же сколько мяса можно купить! А ваш уродец еще и огрызается, неудивительно, что замуж никто не берет, карма у него такая!

— Что ты сказала, бабка?! — взревел Линь Лаогэнь, чье лицо мгновенно побагровело от ярости.

Даже У Цинъюань вздрогнул от его крика. Линь Лаогэнь, обычно такой покладистый и мягкий, превращался в разъяренного быка, когда дело касалось его детей, и теперь, когда кто-то посмел оскорбить его «уродливого» сяогэ, он был готов пойти на все.

— Папа, это она! — выкрикнул сын.

<http://bllate.org/book/20032/1977514>